

Ментальная составляющая военной безопасности в условиях войн нового типа: философский анализ

Ковалев Андрей Андреевич

кандидат политических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
Федерации. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-7760-5732. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Межгосударственное противоборство в XXI веке переносит значимую часть борьбы в сферу представлений, памяти, языковых кодов и эмоциональных установок, поэтому военная безопасность уже не ограничивается военно-техническими параметрами. Возникает проблема описания ментальной безопасности как элемента военной безопасности, поскольку воздействие на критерии оценки событий и на способность принимать решения достигает стратегических результатов без прямого вооруженного столкновения. Цель исследования – рассмотреть ментальную безопасность как важнейший элемент военной безопасности государства в условиях войн нового типа и предложить рабочее определение, пригодное для философского и междисциплинарного обсуждения. Методологическая база включает системный метод (соотнесение ментальной безопасности с военной и национальной безопасностью), категоризацию ключевых понятий и диалектический метод, позволяющий фиксировать смену форм противоборства и их смысловые последствия. Полученные результаты состоят в уточнении содержания ментальной безопасности: под ней понимается способность человека и социальных групп сохранять самостоятельность оценки и выбора при длительном информационно-психологическом и ментальном воздействии, поддерживать собственные критерии оценки сообщений и решений при высокой плотности конкурирующих нарративов, а также удерживать способность к рефлексии и проверке смыслов. Показана связь ментальной безопасности с ментальной войной как формой противоборства, ориентированной на изменение системы оценок и на навязывание моделей поведения. Выводы исследования подтверждают, что ментальная безопасность выступает необходимым элементом военной безопасности, влияющим на способность общества к длительному противостоянию, а практическая значимость результатов связана с подготовкой кадров, образовательными курсами и разработкой мер, направленных на снижение восприимчивости к навязываемым оценкам.

Ключевые слова: ментальная безопасность, ментальность, войны нового типа, военная безопасность, ментальная война, некинетические угрозы, смысловое пространство.

Введение. Война перестала ограничиваться физической сферой противоборства. Наряду с кинетическими действиями используются некинетические средства, влияющие на восприятие, память, мышление и эмоциональные реакции [27]. Подобные воздействия меняют режим ориентации в информации и усложняют оценку достоверности сообщений. При таких условиях ментальная безопасность приобретает значение необходимого требования сохранения человеческой самостоятельности при длительном скрытом воздействии.

Ментальная уязвимость не сводится к психологическим реакциям. Речь идет о воздействиях, меняющих базовые представления о мире, критерии оценки происходящего и способность человека сохранять самостоятельность в суждении. Подобные риски усиливаются при росте неопределенности, ускорении технологических изменений и усложнении общественных процессов [2; 25]. В результате война нового типа затрагивает не только физическое измерение, но и сферу представлений и оценок. Защита от подобных воздействий становится значимой частью военной безопасности государства и предполагает охрану ментального пространства жизнедеятельности человека и общества [1].

Понятие безопасности в ментальном измерении нуждается в пересмотре. Речь идет не об отсутствии физического вреда, а о сохранении способности к оценке сообщений и смыслов, влияющих на решения и поведение. Подобные угрозы отличаются от классических форм насилия: они действуют посредством языка, образов и культурных кодов и нацелены на основания выбора – представления, установки и ценностные приоритеты. При длительном воздействии снижается качество различения достоверного и ложного, усиливается зависимость от навязанных оценок, меняются критерии значимого.

Подобное воздействие не требует физического присутствия источника рядом с адресатом [18]. Оно проявляется как навязывание моделей поведения, норм и готовых оценок, подаваемых в привлекательной упаковке. Риск связан с тем, что воздействие часто воспринимается как полезная рекомендация либо как обещание защиты. Изменения накапливаются постепенно: растет недоверие к привычным знакам и символам, усиливается дезориентация,

снижается способность к самостоятельной оценке. В результате ментальное пространство становится одной из целей противоборства в войнах нового типа, а ментальная безопасность – значимой частью военной безопасности в XXI веке.

Теоретические основы. Цель исследования – рассмотреть ментальную безопасность как значимый элемент военной безопасности государства в условиях войн нового типа.

В работе были использованы различные методы.

Системный метод позволил рассмотреть ментальную безопасность как неотъемлемую часть военной безопасности, входящей в систему национальной безопасности.

Категоризация ключевых понятий позволила уточнить определения терминов, связанных с ментальной безопасностью, и тем самым полнее раскрыть рассматриваемый феномен.

Диалектический метод был направлен на выявление проблем современной философии войны и на обоснование ее опережающего характера по сравнению с военной наукой, нередко сохраняющей ориентир на теории, недостаточно отвечающие текущим изменениям в военной ситуации.

Исследование опирается на разработки по ментальной войне и ментальной безопасности; существенную роль играют публикации А. М. Ильницкого. В его трудах обсуждаются особенности текущего межгосударственного противоборства и роль нематериальных средств влияния, затрагивающих сферу представлений и оценок. Для настоящей статьи важен поставленный Ильницким вопрос о защите ментального измерения безопасности при длительном противостоянии, а также о значении традиционных духовно-нравственных ценностей для защиты от ментальных угроз.

Степень разработанности проблемы. Публикации по войнам нового типа и ментальной безопасности формируются в нескольких научных направлениях, различающихся предметом и методами. Военно-теоретические работы рассматривают эволюцию войны, расширение набора средств борьбы и изменение задач военной безопасности; к числу наиболее заметных относятся исследования С. Г. Чекинова и С. А. Богданова, В. Б. Зарудницкого, В. А. Ксенофонтова.

Отдельная группа публикаций посвящена ментальной войне и ментальной безопасности как теме военно-политического анализа. Наряду с трудами А. М. Ильницкого важны работы И. Н. Караваева (в том числе совместно с П. В. Сухановым), где ментальная война рассматривается как особый вид противоборства и как элемент учения о войне и армии.

Юрико-криминологические и психолого-педагогические исследования сосредоточены на мерах предупреждения и правовых средствах защиты; здесь используются выводы С. А. Буткевича, Е. К. Обринской, Н. А. Коровниковой. Медико-социальные работы П. И. Сидорова и Е. П. Совершаева дополняют тему анализом ментального иммунитета и массовых психических процессов.

Социально-философские и социологические исследования связывают новые угрозы с ростом неопределенности и усложнением рисков; важны идеи У. Бека, а также разработки Д. А. Якуничева, Е. Ю. Бикметова и А. В. Лукьянова. В отечественной литературе близкие трактовки встречаются у Н. С. Розова. В зарубежных исследованиях поворот дискуссий о безопасности и способы проектирования войны обсуждаются, в частности, у S. Lahiry и D. Öberg.

Различие направлений заметно в выборе методов: системный анализ, категориальный анализ, правовой анализ, а также социологические и социально-психологические инструменты. Статья использует философское рассмотрение ментальной безопасности как части военной безопасности и связывает изменение способов войны с изменением требований к человеку и обществу.

Результаты. История человеческой цивилизации связана с войнами и конфликтами разной интенсивности. Война продолжает оставаться одной из ключевых форм международных отношений, при этом ее облик заметно меняется по сравнению с традиционными представлениями. Вследствие таких изменений трансформируются и представления о военной безопасности; прослеживается длительная эволюция соответствующих категорий [26].

Эволюция войны подробно рассматривается в военной науке, сложившейся к концу XVIII века. Одновременно война выступает предметом философских исследований, поскольку в войнах нового типа заметны угрозы несилового характера, среди них – ментальные атаки [15]. «Развитие мирового сообщества сегодня происходит в условиях интенсивной глобализации, которая охватывает все сферы человеческой деятельности, и широкого применения невоенных форм противоборства» [6, с. 11].

Под войной для целей исследования понимается крайняя форма обострения межгосударственных отношений, выраженная в прямом вооруженном противостоянии, а равно стремление сторон решать политические вопросы кардинальными, бескомпромиссными средствами. Военная безопасность при таком понимании означает недопущение развязывания войны в ее основных проявлениях.

В XXI веке категории войны и военной безопасности существенно меняются по содержанию. До середины XX века война чаще связывалась с военным насилием как ключевым средством достижения политических целей и принуждения противника. Со второй половины XX века война рассматривается шире: применяются разнообразные средства и методы ведения противоборства [3]. По указанной причине используется термин «гибридная война», соединяющий признаки традиционного военного конфликта и нетрадиционных форм борьбы [29].

Наиболее заметные признаки войны нового поколения проявляются в XXI веке: наряду с физическими действиями возрастает влияние на информационно-психологическую и ментальную сферы, а также на духовно-нравственные ориентиры. Перечень средств борьбы расширяется, и поле противоборства выходит за пределы материальных объектов. Несмотря на возражения части исследователей против деления войн на традиционные и нетрадиционные, указанная классификация сохраняет практическую применимость [24, с. 32].

Часть военных специалистов считает, что война возможна лишь в традиционной, физической форме, а иные виды межгосударственного противоборства не следует относить к войне. С такой позицией можно согласиться в одном: прежние исследования и классификации не всегда отвечают уровню изменений в способах борьбы. Из сказанного следует необходимость обновления научного языка описания войны и расширения круга исследуемых угроз.

Военной науке переход к анализу войн нового поколения осложняют изменения самой войны и военной безопасности, а также необходимость обновлять методы и понятия. В философии войны новый этап становится самостоятельным исследовательским вызовом: требуется описать угрозы несилового характера, сопоставимые по последствиям с классической войной, но плохо распознаваемые на ранних стадиях [19].

Становится заметно, что изменения войны и военной безопасности ведут к пересмотру философии войны. Показателен вывод коллектива авторов, изучающих новую философию войны: «Развитие философии войны шло от "войны на истребление" до "войны на поработение". Философия современной войны построена на симбиозе, когда на одном поле боя успешно уживаются информационная война, интеллектуальная война, экономическая война, кибервойна, а также реальные акты боевых действий» [5, с. 22]. В XXI веке преждевременно говорить о полном отказе от боевых действий, однако возрастает роль некинетических средств борьбы.

В условиях войн нового типа целесообразно говорить о ментальной войне как особом виде противоборства [10] и о ментальной безопасности как направлении защиты от подобных воздействий. Наличие ядерного оружия сохраняет риск быстрого уничтожения противника, однако такой вариант неприемлем по последствиям для человечества [17, с. 350]. По указанной причине чаще возникают войны ограниченного размаха, при которых используются достижения разных областей знания, а война рассматривается как средство «достижения политических целей социальных групп, классов, наций, народов, государств и коалиций государств при разрешении противоречий между ними с применением совокупной мощи экономических, политических, дипломатических, информационных и других средств и методов в сочетании с угрозой применения силы или использованием ВС» [9, с. 36]. Невоенные средства выступают способом сдерживания, уменьшающим вероятность открытого применения военной силы.

Под ментальной войной понимается воздействие, направленное на изменение ментальности и цивилизационных оснований общества противника с использованием преимущественно скрытых способов борьбы [7, с. 25]. Существенную роль играют подмена оценок и навязывание выгодных противнику представлений, норм и моделей поведения. В качестве исторического примера нередко приводится программа Маршалла как сочетание экономических мер и работы со смысловыми ориентирами. В условиях войн нового типа по указанной причине возрастает значение ментальной безопасности как части военной безопасности государства. А. М. Ильницкий подчеркивает значимость защиты ментальной безопасности для будущего страны [8] и выделяет традиционные духовно-нравственные ценности как один из ключевых ресурсов такой защиты [23].

Обсуждение. В философском плане ментальная безопасность не сводится к психологическому благополучию; речь идет о сохранении самостоятельности суждения и выбора при длительных воздействиях, меняющих критерии оценки [21; 22].

Онтологический характер приобретают угрозы, нацеленные на смысловую и оценочную сферы личности. В подобных условиях ключевое значение имеет сохранение способности к суждению и выбору. Поддержание такой способности не задается административными мерами и не сводится к стратегиям выживания; речь идет о личном удержании критериев оценки, не поддающемся прямой проверке. Ментальная безопасность выступает способом существования, при котором человек сохраняет возможность оставаться собой [16].

В философии Нового времени и XX века (И. Кант, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Н. А. Бердяев) человеческая самостоятельность рассматривается как способность удерживать направление мысли при отсутствии внешних гарантий [30]. Ментальная безопасность проявляется при сохранении личной меры и отказе от растворения в навязанных ролях; сохраняется возможность удерживать собственные критерии оценки и действовать на их основе. Поддержание самостоятельности не ограничивается биологическим выживанием; речь идет о сохранении человеческого способа существования [28].

В философии сознания ментальная безопасность не сводится к когнитивной стабильности либо к рациональной функции. Речь идет о сохранении способности сознания задавать собственную направленность при множественных воздействиях. Значимый признак состоит в том, что человек не утрачивает способность оценивать навязанное содержание и отделять его от собственных оснований выбора [12]. При утрате указанной способности сознание превращается в канал прохождения чужих смыслов без критической проверки.

В антропологическом измерении ментальная безопасность связана с памятью, культурными архетипами и историческими способами формирования личности, а не только с личными переживаниями. В таком ракурсе она соотносится с темой сохранения человеком собственного образа и непрерывности личной истории [11]. Речь идет о способности сохранять себя в переходных ситуациях, собирать разрозненные элементы пережитого в связный жизненный рассказ и тем самым поддерживать способность к выбору и ответственности [20].

В политической философии ментальная безопасность связана с конкуренцией за смыслы в публичной речи и с правом общества сохранять собственные способы именования событий. При высокой плотности нарративов ментальная безопасность перестает быть частным делом и становится частью политического бытия. Ослабление ментальной безопасности ведет к утрате самостоятельности в политическом выборе и к росту зависимости от навязанных оценок. Важным признаком выступает способность мыслить без принятия навязанных образцов как единственно допустимых и сохранять автономию оценки. Ментальная безопасность не сводится к декларативному праву; речь идет о сохранении способности к критической проверке навязываемых смыслов [4, с. 317].

Связь ментальной и военной безопасности проявляется особенно отчетливо в условиях изменения правил ведения войны и возникновения новых видов угроз. Сдвиг в характере угроз связан не столько с техническим прогрессом, сколько с переходом от прямого физического уничтожения к разрушению механизмов формирования смыслов. Ментальные воздействия приобретают рассредоточенный характер: они с трудом локализуются, плохо распознаются и действуют опосредованно – с помощью цепочек ассоциаций, искажения выразительных форм и внедрения символических элементов, ведущих к рассеиванию внимания и оценок в привычной среде восприятия.

Гибридные угрозы часто растворяются в повседневных практиках и потому остаются нераспознанными, принимаются за привычный порядок. Открытое столкновение уже не является обязательным условием: для нарушения безопасности достаточно разрушить доверие к восприятию, памяти и культурной традиции. В подобных случаях навязанное содержание воспринимается как обязательная норма поведения. Вместо прямого принуждения применяется стратегия насыщения: избыток знаков, высокая плотность сообщений и утрата символической значимости лишают человека возможности критической проверки воспринимаемого.

Войны нового типа опираются на нетрадиционные формы противоборства: информационные, кибернетические, психологические, а также партизанские стратегии. Открытое силовое столкновение часто заменяют гибридные инструменты: экономические меры, санкции и воздействия на инфраструктуру. Противоборство ведется как между государствами, так и при участии анонимных акторов. Существенную роль играют информационные воздействия:

манипулирование сознанием, конструирование ложных нарративов, распространение дезинформации. В результате затрагиваются и вооруженные силы, и население: снижается способность общества к длительному противостоянию, а сами угрозы трудно распознаются.

Ментальная война может рассматриваться как воздействие на психоэмоциональную и когнитивную сферы, направленное на изменение восприятия и системы оценок. Цель такого воздействия – не физическое подавление противника, а изменение представлений о должном и допустимом, ослабление способности к самостоятельной оценке и выбору. Применяются информационные и психологические средства; в результате человек теряет ориентиры в значениях и начинает сомневаться в ранее принятых ценностных представлениях. Такие формы войны снижают способность объекта длительно противостоять и становятся частью политических, экономических и социальных процессов. В подобных случаях действие все чаще определяется навязанными импульсами, а не собственным решением; возрастает зависимость от чужой воли, формируется иллюзия выбора при заранее заданном направлении.

Изменения человеческой самостоятельности при ментальной войне проявляются в утрате способности удерживать внимание на собственных основаниях выбора. Человек начинает говорить и действовать по навязанным образцам: речь воспроизводит чужие формулировки, поступки совершаются без самостоятельной оценки. Возникает механизм навязывания моделей поведения внешними силами. В итоге ослабевают рефлексия, способность к критической проверке и к удержанию личной позиции.

Человек перестает быть носителем личных смыслов. Действия утрачивают связь с пережитым и становятся производными от навязанных импульсов. В таком положении человек может сохранять внешнюю активность, однако решения принимаются не им; поведение обслуживает цели внешних сил. В философско-антропологическом ключе речь идет об утрате самостоятельности и о превращении человека в средство реализации чужих намерений.

Философская антропология рассматривает человека не как биологическую единицу, а как существо с личной формой и способностью задавать смысловые ориентиры. Человек способен выдерживать разрушительные влияния, не сводя реакцию к физическому либо эмоциональному ресурсу, и способен собирать пережитое в связный жизненный рассказ. Совокупность названных способностей задает антропологический ресурс ментальной безопасности.

В системе военной безопасности ментальная безопасность означает способность человека и социальных групп сохранять самостоятельность оценки и выбора при длительном информационно-психологическом и ментальном воздействии в войнах нового типа. Речь идет о сохранении критериев, по которым оцениваются события, решения и сообщения, при избытке знаков и конкурирующих нарративов. Приоритет получает сохранение свободы оценки и способность придерживаться собственных критериев выбора при затяжном противоборстве [14].

Задача ментальной безопасности – не допустить превращения навязанных установок и разрушительных практик в привычную норму. В периоды дестабилизации человек способен обозначать границу между естественным и суррогатным, присущим и навязанным, значимым и пустым, без обращения к политическим ярлыкам. Ресурс противостояния поддерживается проверкой смыслов и рефлексией, позволяющими сохранять самостоятельность оценки и выбора.

Реализация ментальной безопасности не сводится к ответу на отдельную угрозу. Речь идет о поддержании философского мышления как навыка проверки смыслов и оценки происходящего, а также о сохранении способности принимать решения без принятия навязанного как единственно допустимого. При ослаблении такого навыка сохраняются внешние признаки активности, однако выбор все чаще определяется чужими образцами и чужими критериями.

В системе военной безопасности ментальная безопасность противостоит риску утраты человеком самостоятельности. Философское рассмотрение позволяет трактовать риск не как личную слабость, а как онтологическую уязвимость: воздействие лишает способности удерживать единую картину происходящего и поддерживать рефлексия [13].

В качестве формы сопротивления выступает философское мышление, позволяющее видеть ментальные угрозы и оценивать их разрушительные последствия. Без философского мышления затруднено восстановление способности воспринимать себя как центр переживания и смыслопорождения, поскольку оно помогает распознавать ментальные угрозы и преодолевать их последствия.

Закключение. Войны нового типа расширяют набор средств борьбы: наряду с вооруженными действиями применяются коммуникативные, культурные и технологические инструменты, рассчитанные на изменение представлений, мотивации и ценностных приорите-

тов. При таком развитии военная безопасность перестает ограничиваться защитой территории и сил, поскольку исход противоборства зависит от сохранения способности общества поддерживать порядок решений и долгую оборону.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, ментальная безопасность выступает самостоятельным элементом военной безопасности и отражает состояние, при котором человек и социальные группы сохраняют самостоятельность суждения и свободу выбора при длительном навязывании смыслов и оценок. Во-вторых, ментальные угрозы действуют преимущественно скрытно: они проявляются как привычные форматы сообщения, нормы речи и модели поведения, поэтому разрушительные последствия обнаруживаются с запозданием. В-третьих, философский анализ позволяет уточнить границы понятия ментальной безопасности, отделив его от задач клинической психологии и от сугубо правовых мер: речь идет о сохранении условий личной и общественной самостоятельности в сфере смысла, памяти и оценки происходящего.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку проверяемых признаков снижения ментальной безопасности и на описание механизмов, связывающих такие изменения с рисками для военной безопасности государства в период затяжного противоборства.

Список литературы

1. Анохин М. Г., Бочанов М. А. Информационные технологии «Цветных революций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 78–85.
2. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
3. Бикметов Е. Ю., Лукьянов А. В. Проблема гармонизации стратегического и тактического действия в современном обществе риска: социально-методологический аспект // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 3. С. 8–19.
4. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). С. 310–322. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-2-310-322.
5. Евлова Е. В., Белевитин В. А., Тюнин А. И. и др. Новая философия войны: дискуссионный аспект // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8, № 1 (26). С. 18–23. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0002.
6. Зарудницкий В. Б. Военная наука: новые горизонты познания // Военная мысль. 2022. № 7. С. 6–15.
7. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
8. Ильницкий А. М. Цивилизационные аспекты ментальной войны // Военный академический журнал. 2024. № 1 (41). С. 5–10.
9. Караваев И. Н. Концепция ментальной войны как составная часть учения о войне и армии // Военная мысль. 2022. № 3. С. 35–42.
10. Караваев И. Н., Суханов П. В. Ментальная война как новый вид противоборства // Вестник Академии военных наук. 2022. № 2 (79). С. 42–45.
11. Килимник Е. В. Духовная безопасность России // Теория и практика мировой науки. 2022. № 6. С. 48–53.
12. Коровникова Н. А. Ментальная безопасность в эпоху цифровизации // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1 (1). С. 107–118. DOI: 10.31249/snsn/2020.01.08.
13. Ксенофонтов В. А. Ментальная безопасность государства // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2022. № 2 (263). С. 108–113. DOI: 10.52065/2520-6885-2022-263-2-108-113.
14. Ксенофонтов В. А. Основные формы неклассического военного насилия // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2024. № 2 (102). С. 44–55.
15. Ксенофонтов В. А. Приоритет развития государства: военная сфера национальной безопасности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 1 (67). С. 33–48. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.033.
16. Литвинова Ю. И., Обринская Е. К. Ментальное воздействие как стратегия внешней политики США // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 139–143.
17. Обринская Е. К. Потенциал и перспективы развития и совершенствования государственного механизма обеспечения ментальной безопасности Российской Федерации // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). С. 347–352.
18. Обринская Е. К. Потенциал ментальной безопасности в противодействии экстремизму и терроризму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9 (75). С. 106–116.
19. Розов Н. С. Информационно-ментальный и социально-эволюционный контексты динамики войны и мира // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 4. С. 69–79.

20. Салтыкова М. В., Пителинский К. В. Безопасность личности как приоритетная цель актуальной государственной стратегии РФ // Вестник Московской международной академии. 2017. № 2. С. 107–117.
21. Сидоров П. И. Ментальный иммунитет как биопсихосоциодуховная матрица идентичности и основа безопасности личности и общества // Экология человека. 2015. № 12. С. 42–52.
22. Сидоров П. И., Совершаев Е. П. Синергетическая биопсихосоциодуховная концепция ментальных эпидемий психосоматозов // Экология человека. 2015. № 10. С. 18–26.
23. Сухоруких А. В. Духовно-нравственный фактор как условие «ментальной безопасности» социокультурной среды // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6, № 5. С. 328–329.
24. Чекинов С. Г., Богданов С. А. Эволюция сущности и содержания понятия «война» в XXI столетии // Военная мысль. 2017. № 1. С. 30–43.
25. Якуничев Д. А. Общество риска: возможная модель развития современного общества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 174–182.
26. Hart D. K., Hart D. W., Nesbit R. Martial Virtue: Civic Humanism as a Groundwork for American Military Ethics // Administration & Society. 2011. No. 43 (5). Pp. 487–514.
27. Lahiry S. The Changing Narrative of Security Discourse: From State Security to Human Security in South Asia? // World Affairs. 2020. No 183 (2). Pp. 183–205.
28. Nathanson S. Terrorism and the Ethics of War. Cambridge University Press, 2010. 317 p.
29. O'Driscoll C. A "fighting chance" or fighting dirty? Irregular warfare, Michael Gross and the Spartans // European Journal of Political Theory. 2012. No. 1 (2). Pp. 112–130.
30. Öberg D. Warfare as design: Transgressive creativity and reductive operational planning // Security Dialogue. 2018. No. 49 (6). Pp. 493–509.

The Mental Component of Military Security in a New Type of War: A Philosophical Analysis

Kovalev Andrey Andreevich

PhD in Political Science, associate professor, North-Western Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0002-7760-5732. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. Interstate confrontation in the 21st century shifts a significant part of the struggle into the sphere of representations, memory, language codes, and emotional attitudes; therefore, military security is no longer limited to military-technical parameters. The problem arises of describing mental security as an element of military security, since influencing the criteria for evaluating events and the ability to make decisions achieves strategic results without direct armed conflict. The purpose of the study is to consider mental security as a most important element of the military security of the state in conditions of a new type of war and to propose a working definition suitable for philosophical and interdisciplinary discussion. The methodological base includes the systemic method (correlating mental security with military and national security), the categorization of key concepts, and the dialectical method, which makes it possible to capture the change in the forms of confrontation and their semantic consequences. The results obtained consist in clarifying the content of mental security: it is understood as the ability of a person and of social groups to maintain independence of evaluation and choice under prolonged informational-psychological and mental influence, to maintain their own criteria for evaluating messages and decisions amid a high density of competing narratives, and to retain the capacity for reflection and the verification of meanings. The connection of mental security with mental warfare as a form of confrontation oriented toward changing the system of evaluations and imposing models of behaviour is shown. The conclusions of the study confirm that mental security is a necessary element of military security that affects society's capacity for prolonged confrontation, and the practical significance of the results is connected with the training of personnel, educational courses, and the development of measures aimed at reducing susceptibility to imposed evaluations.

Keywords: mental security, mentality, new type of wars, military security, mental warfare, non-kinetic threats, semantic space.

References

1. Anohin M. G., Bochanov M. A. *Informacionnye tehnologii "Cvetnyh revolyucij"* [Information Technologies of the "Color Revolutions"] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2010. No. 4. Pp. 78–85.
2. Bek U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity] / transl. from German by V. Sedel'nik, N. Fedorova. M., Progress-Tradiciya (Progress-Tradition), 2000. 383 p.

3. Bikmetov E. Yu., Luk'yanov A. V. *Problema garmonizacii strategicheskogo i takticheskogo dejstviya v sovremennom obshchestve riska: social'no-metodologicheskij aspekt* [The Problem of Harmonizing Strategic and Tactical Action in the Modern Risk Society: A Socio-Methodological Aspect] // *Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie nauki* – PNRPU Sociology and Economics Bulletin. 2022. No. 3. Pp. 8–19.

4. Butkevich S. A. *Preduprezhdenie ugroz mental'noj bezopasnosti: pravovoj, kriminologicheskij i psihologo-pedagogicheskij instrumentarij* [Preventing Threats to Mental Security: Legal, Criminological, and Psychological-Pedagogical Tools] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. 2021. Vol. 7 (73). Pp. 310–322. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-2-310-322.

5. Evplova E. V., Belevitin V. A., Tyunin A. I. et al. *Novaya filosofiya vojny: diskussionnyj aspekt* [A New Philosophy of War: A Debatable Aspect] // *Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie* – Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2019. Vol. 8, No. 1 (26). Pp. 18–23. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0002.

6. Zarudnickij V. B. *Voennaya nauka: novye gorizonty poznaniya* [Military Science: New Horizons of Knowledge] // *Voennaya mysl'* – Military Thought. 2022. No. 7. Pp. 6–15.

7. Il'nickij A. M. *Mental'naya vojna Rossii* [Russia's Mental War] // *Voennaya mysl'* – Military Thought. 2021. No. 8. Pp. 19–33.

8. Il'nickij A. M. *Civilizacionnye aspekty mental'noj vojny* [Civilizational Aspects of Mental War] // *Voennyj akademicheskij zhurnal* – Military Academic Journal. 2024. No. 1 (41). Pp. 5–10.

9. Karavaev I. N. *Koncepciya mental'noj vojny kak sostavnaya chast' ucheniya o vojne i armii* [The Concept of Mental War as a Component of the Doctrine of War and the Army] // *Voennaya mysl'* – Military Thought. 2022. No. 3. Pp. 35–42.

10. Karavaev I. N., Suhanov P. V. *Mental'naya vojna kak novyj vid protivoborstva* [Mental War as a New Form of Confrontation] // *Vestnik Akademii voennyh nauk* – Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2022. No. 2 (79). Pp. 42–45.

11. Kilimnik E. V. *Duhovnaya bezopasnost' Rossii* [The Spiritual Security of Russia] // *Teoriya i praktika mirovoj nauki* – Theory and Practice of World Science. 2022. No. 6. Pp. 48–53.

12. Korovnikova N. A. *Mental'naya bezopasnost' v epohu cifrovizacii* [Mental Security in the Era of Digitalization] // *Social'nye novicii i social'nye nauki* – Social Novelties and Social Sciences. 2020. No. 1 (1). Pp. 107–118. DOI: 10.31249/snsn/2020.01.08.

13. Ksenofontov V. A. *Mental'naya bezopasnost' gosudarstva* [The Mental Security of the State] // *Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya* – Proceedings of BSTU. Series 6: History, Philosophy. 2022. No. 2 (263). Pp. 108–113. DOI: 10.52065/2520-6885-2022-263-2-108-113.

14. Ksenofontov V. A. *Osnovnye formy neklassicheskogo voennogo nasiliya* [The Main Forms of Non-Classical Military Violence] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk* – Topical Issues of the Humanities and Socio-Economic Sciences. 2024. No. 2 (102). Pp. 44–55.

15. Ksenofontov V. A. *Prioritet razvitiya gosudarstva: voennaya sfera nacional'noj bezopasnosti* [The Priority of State Development: The Military Sphere of National Security] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* – Herald of Tver State University. Series: Philosophy. 2024. No. 1 (67). Pp. 33–48. DOI: 10.26456/vtphilos/2024.1.033.

16. Litvinova Yu. I., Obrinskaya E. K. *Mental'noe vozdejstvie kak strategiya vneshnej politiki SShA* [Mental Influence as a Strategy of U.S. Foreign Policy] // *Filosofiya prava* – Philosophy of Law. 2021. No. 3 (98). Pp. 139–143.

17. Obrinskaya E. K. *Potencial i perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya gosudarstvennogo mehanizma obespecheniya mental'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii* [The Potential and Prospects for the Development and Improvement of the State Mechanism for Ensuring the Mental Security of the Russian Federation] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. 2022. Vol. 8 (74). Pp. 347–352.

18. Obrinskaya E. K. *Potencial mental'noj bezopasnosti v protivodejstvii ekstremizmu i terrorizmu* [The Potential of Mental Security in Countering Extremism and Terrorism] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* – Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Cultural Studies. 2023. Vol. 9 (75). Pp. 106–116.

19. Rozov N. S. *Informacionno-mental'nyj i social'no-evolyucionnyj konteksty dinamiki vojny i mira* [The Informational-Mental and Socio-Evolutionary Contexts of the Dynamics of War and Peace] // *Gumanitarnyj vektor* – Humanitarian Vector. 2024. Vol. 19, No. 4. Pp. 69–79. DOI: 10.21209/1996-7853-2024-19-4-69-79.

20. Saltykova M. V., Pitelinskij K. V. *Bezopasnost' lichnosti kak prioritetnaya cel' aktual'noj gosudarstvennoj strategii RF* [Personal Security as a Priority Goal of the Current State Strategy of the Russian Federation] // *Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj akademii* – Bulletin of the Moscow International Academy. 2017. No. 2. Pp. 107–117.

21. Sidorov P. I. *Mental'nyj immunitet kak biopsihosocioduhovnaya matrica identichnosti i osnova bezopasnosti lichnosti i obshchestva* [Mental Immunity as a Biopsychosociospiritual Matrix of Identity and a Basis for the Security of the Individual and Society] // *Ekologiya cheloveka* – Human Ecology. 2015. No. 12. Pp. 42–52.

22. Sidorov P. I., Sovershaev E. P. *Sinergeticheskaya biopsihosocioduhovnaya koncepciya mental'nyh epidemij psihosomatozov* [A Synergetic Biopsychosociospiritual Concept of Mental Epidemics of Psychosomatoses] // *Ekologiya cheloveka* – Human Ecology. 2015. No. 10. Pp. 18–26.

23. Suhorukih A. V. *Duhovno-nravstvennyj faktor kak uslovie "mental'noj bezopasnosti" sociokul'turnoj sredy* [The Spiritual and Moral Factor as a Condition of the "Mental Security" of the Sociocultural Environment] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* – Historical and Social-Educational Thought. 2014. Vol. 6, No. 5. Pp. 328–329.

24. Chekinov S. G., Bogdanov S. A. *Evoluciya sushchnosti i sodержaniya ponyatiya "vojna" v XXI stoletii* [The Evolution of the Essence and Content of the Concept of "War" in the 21st Century] // *Voennaya mysl'* – Military Thought. 2017. No. 1. Pp. 30–43.

25. Yakunichev D. A. *Obshchestvo riska: vozmozhnaya model' razvitiya sovremennogo obshchestva* [Risk Society: A Possible Model of the Development of Modern Society] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2022. No. 68. Pp. 174–182.

26. Hart D. K., Hart D. W., Nesbit R. *Martial Virtue: Civic Humanism as a Groundwork for American Military Ethics* // *Administration & Society*. 2011. No. 43 (5). Pp. 487–514.

27. Lahiry S. *The Changing Narrative of Security Discourse: From State Security to Human Security in South Asia?* // *World Affairs*. 2020. No. 183 (2). Pp. 183–205.

28. Nathanson S. *Terrorism and the Ethics of War*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. 317 p.

29. O'Driscoll C. *A "Fighting Chance" or Fighting Dirty? Irregular Warfare, Michael Gross and the Spartans* // *European Journal of Political Theory*. 2012. No. 1 (2). Pp. 112–130.

30. Öberg D. *Warfare as Design: Transgressive Creativity and Reductive Operational Planning* // *Security Dialogue*. 2018. No. 49 (6). Pp. 493–509.

Поступила в редакцию: 20.05.2025

Принята к публикации: 14.01.2026